

УДК 141.333:572

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (О СТАТЬЕ В.Г. ГОРБАЧЕВА)

Лоскутов Юрий Викторович

кандидат философских наук, доцент

доцент кафедры философии

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15

e-mail: yuri-loskutov@mail.ru

Статья является ответом на работу В.Г. Горбачева «Тема человека в советской философии (особенности подхода)». На конкретных примерах показано, что философия советского периода отнюдь не выпадает из общей логики развития отечественной философии. Это обусловлено тем, что в советской философской мысли (в онтологии, гносеологии, социальной философии и т.д.) сохранилась характерная для русской философии ключевая роль философско-антропологической проблематики.

Ключевые слова: советская философия; философская антропология; человек.

В.Г. Горбачев в статье «Тема человека в советской философии (особенности подхода)» [3] настаивает на существенном и даже принципиальном отличии советской философии от дореволюционной русской философской мысли. Относительно последней В.Г. Горбачев во многом справедливо отмечает помимо прочих следующие черты: «Основное в русской антропологической философии — это в конечном счете проблема освобождения и возвышения человека, традиционно рассматриваемая и во внешнем аспекте (преобразование общества и его институтов), и в аспекте внутреннем (преображение духовного мира человека). ... Восприятие человека как универсальной целостности, органичного единства всех сторон его природы, всей его жизни как единства духовного и практического в ней. Это — воспроизведение принципа универсализма познания применительно к философии человека. ... Протест против угнетения и эксплуатации человека, негуманного отношения к нему, против социальной несправедливости, поиск путей его реального освобождения. ... Единство человека с другим человеком, с обществом, с окружающим миром в целом как выражение всеединства, единства всего сущего. ... Опора в познании человека на материал частных наук, особенно — естественных (например, в русском материализме)» [3, с. 33–34]. И как резюме: «Универсальный антропологизм — это традиция всеохватывающего постижения человека как многомерной целостности средствами философского познания. Мы считаем

ее ведущей традицией в русской философии» [3, с. 34–35].

Строго говоря, все вышеперечисленные характеристики были присущи и советской философии, но В.Г. Горбачев с этим не согласен: «Существует точка зрения, что философия советского периода в значительной степени выпадает из общей логики развития отечественной философии. На наш взгляд, с этим нельзя не согласиться. Об этом мы судим хотя бы по тому, в какой степени была представлена в ней антропологическая проблематика, традиционная для философии как таковой. “Выпадение” это было обусловлено в конечном счете теми политическими, идеологическими и иными условиями, которые сложились и существовали в советское время и которые определяли развитие философии» [3, с. 35].

В.Г. Горбачев утверждает, что советская философия «определялась влиянием прежде всего со стороны правящей партии» [3, с. 35]. Кроме того, в связи с этим он заявляет: «Такая узкая “специализация” советской философии (роль “идейного оружия”), по нашему мнению, породила в итоге ее глубоко отчужденное состояние. Это отчуждение имело место по отношению ко многим традициям русской философии, по отношению к художественной литературе, по отношению к традициям зарубежной философии (в том числе — к “раннему” Марксу), к достижениям науки своего времени» [3, с. 35]. На это следует возразить: наверное, подобное отчуждение имело место у ряда партийных идеологов, но отнюдь не у серьезных, профес-

сиональных советских философов. Философское сообщество в СССР было, по сути, носителем особой научной парадигмы, а у любой науки (в том числе и у философских научных дисциплин) существует своя собственная внутренняя логика развития, равно как и своя собственная логика связи с другими науками. Советская философия всегда была детерминирована в первую очередь своими внутренними теоретическими проблемами и только во вторую очередь (если не в десятую) — партийными указаниями. Да, последние существовали, и они не всегда положительно воздействовали на философию. Так, официально поощрявшееся со стороны КПСС исследование философской категории «деятельность» явно уступает по своему эвристическому потенциалу исследованию более содержательной категории «производство». Однако живая (и нередко неофициальная) советская философская мысль развивалась самостоятельно. Именно результаты этого развития, а вовсе не многочисленные ссылки на решения съездов в философских предисловиях останутся от советского периода в учебниках по истории философии.

Причем В.Г. Горбачев противоречит сам себе, когда заявляет: «мы будем исходить из факта отсутствия в советской философии антропологического направления как относительно самостоятельного в общей структуре философского знания. Мы сможем говорить лишь о *возникновении* такого направления, но и то лишь применительно к позднему периоду в истории советской философии» [3, с. 36]. Если что-либо возникает, причем в середине, а не в конце развития данного явления, невозможно говорить об его полном отсутствии. Следует подчеркнуть, что советская философия сложилась как система философских наук (и зрелых наук, и только формирующихся), скрепленная прежде всего философско-антропологической проблематикой. Можно спорить о степени особой выделенности советской философской антропологии из других философских дисциплин, но универсальный антропологизм советской марксистской философии как единого целого, на наш взгляд, бесспорен.

Так, онтология и гносеология классического марксизма в значительной (и даже в решающей) мере имеют антропологизированный характер, и это не могло не повлиять на советскую философскую мысль. Явный антропологический аспект присутствует даже в содержании ленинского определения материи — теоретического фундамента для построения едва ли не всей общей философии в СССР: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реально-

сти, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [7, с. 131].

Человек традиционно рассматривался в советской онтологии как высшая, наиболее сложная форма материи, включающая в себя и сознание в качестве своего атрибута, вбирающая содержание всех основных природных форм объективной реальности. И в этом плане весьма странно выглядит претензия В.Г. Горбачева к советской философии по поводу того, что в ней, дескать, природное начало в человеке фактически предается забвению [3, с. 38]. Вопреки данному тезису, онтологический взгляд на человека как на «биосоциальное» существо был весьма популярным в философии советского периода, являлся для нее едва ли не «общим местом». Тем не менее, этот взгляд требовал дальнейшего уточнения, на что в 1974 г. обратил внимание В.В. Орлов: «В советской философской литературе концепция биосоциальной природы человека ... дается с рядом поправок. Важнейшая из них заключается в том, что социальное рассматривается в качестве главной стороны человека как единого целого. Однако эта поправка не меняет существа дела, ибо социальное и биологическое оказываются все же двумя сторонами (главной и неглавной) единого целого, которое (целое) или имеет некую не известную нам третью природу или не имеет единой природы вообще. Социальное и биологическое остаются, таким образом, рядоположенными и соединенными внешним образом. Между тем каждый сформировавшийся объект, обладает определенной, т.е. единой природой. С позиций диалектико-материалистической философии, человек представляет собой сложное интегральное образование, включающее в себя биологический и собственно социальный уровни. При этом высший, социальный уровень подчиняет себе биологический и определяет целостную, интегральную природу человека. Человек, таким образом, имеет не двойственную биологическую и социальную, но интегральную социальную природу, включающую в себя, в подчиненном виде, свою биологическую основу. Марксистская концепция человека преодолевает крайности как механистической концепции социально-биологической природы человека, по существу уравнивающей биологическую и социальную “стороны” человека, так и концепции, абсолютизирующей различия между человеком и его биологической основой. ... Концепция интегральной социальной природы человека дает общее теоретическое обоснование необходимости применения понятий и методов биологии

для изучения человека. Только с позиций этой концепции можно избежать ошибочных крайностей как биологизации природы человека, так и чрезмерной ее «социализации», состоящей в игнорировании биологической стороны человека и человеческой деятельности» [8, с. 302–303].

Человек как субъект познания — это, по сути, центральная тема советской гносеологии. В 1989 г. В.С. Степин выдвинул концепцию постнеклассического научного познания, в котором разнообразный учет человеческого фактора выступает обязательной и, главное, полезной составляющей [11].

Советскую социальную философию В.Г. Горбачев характеризует следующим образом: «Абсолютный социоцентризм означает безусловный примат общества, социальной среды над человеком» [3, с. 36]. Однако такая характеристика несправедлива, что можно легко доказать указанием на труды ряда крупных философов. В.П. Тугаринов: «Ценность личности не может быть поколеблена ни мистическими, ни трансцендентальными и никакими иными соображениями, ибо личность человека есть реальный, непосредственный и верховный факт действительности» [12, с. 81]. Более того, В.П. Тугаринов утверждает, что коммунизм «создает решающие объективные условия для совершенствования и самосовершенствования личности», но «не решает *всех* проблем личности» [12, с. 96]. К.А. Абишев: «Строго говоря, не условия создают людей, а люди создают самих себя посредством изменения условий» [1, с. 26]. З.М. Какабадзе: «Не всё в бытии человека в виде личности можно объяснить влиянием его бытия в виде члена общества и даже, наоборот, в некоторых отношениях это последнее становится понятным лишь на основании понимания первого. Конечно, человек как личность формируется в обществе. Но общественная организация не есть некая самоцель, спускающаяся к человеку сверху и наделенная соответствующей энергией, чтобы навязать себя. Она, со своей стороны, основана на специфических устремлениях и возможностях людей как личностей» [4, с. 226]. С.М. Ковалев: «Поскольку закрепощение человека состоит в рабской зависимости от природы, общественных отношений и своих пороков, то и освобождение может мыслиться лишь как освобождение от этих трёх зависимостей человека» [5, с. 97].

Что касается этических взглядов советской философии, то В.Г. Горбачев сам невольно подчеркивает их преимущество по отношению к русской социальной этике предшествовавшего периода. Последняя характеризуется им так: «Первенство духовных начал в жизни человека

над вещными, утилитарными ориентациями, критика вещизма и потребительства как неприемлемой жизненной установки и образа жизни» [3, с. 34], а советская социальная этика — так: «В работах по теории личности всегда очень большое внимание уделялось критике индивидуализма как глубоко порочной жизненной установки и образа жизни, развенчивалось потребительство как проявление мещанства, всячески развенчивался буржуазный тип личности» [3, с. 36].

Важными элементами советской философской антропологии выступали: концепция сущностных сил (сущностных свойств) человека, заимствованная у Фейербаха и Маркса, а также связанные с этой концепцией категории «отчуждение» и «овещнение». В этой связи надуманными выглядят претензии о «забвении» в советской философии «раннего» Маркса.

Серьезное философско-антропологическое значение имеет концепция овещнения, разработанная в 1981 г. известным советским философом Г.С. Батищевым на основе Марксова анализа превращенных (превратных, овещненных) форм, принимаемых производительными силами и производственными отношениями. Овещнение, согласно Батищеву, — это «такой социально-исторический процесс и в то же время такое социально-историческое отношение, в сфере действия которого происходит практическое низведение всякой действительности до уровня объектно-вещного бытия» [2, с. 229]. Персонализированными составляющими, «субъектами», такого бытия выступают (в противовес деперсонализированным индивидам) как предметы экономического богатства, так и разнообразные социальные институты [2, с. 234]. Тремя векторами овещнения являются: овещнение продуктов человеческой культуры (включая сферу поступков), овещнение социальных связей и, наконец, овещнение самих человеческих индивидов [2, с. 243–250]. В условиях товарного производства эти векторы распространяются на экономику, социальную структуру, политику, право, науку, искусство, мораль. Овещнение приводит к тому, что «плоды деятельной жизни субъектов перестают быть предметным зеркалом, отражающим каждому из них взаимное свечение их сущностей ... В этом овещненная форма противоположна по своей роли человеческой предметности вообще» [2, с. 235]. В эпоху так называемой «предыстории» человечества социальная действительность как целостность «несет на себе печать всепронизывающей двойственности: она всякий раз есть одновременно и историческое бытие самого человека-субъекта, его предметный мир культуры и цивили-

зации, и столь же историческое не-бытие его как субъекта, отрицание его человеческого развития, иной предметный мир — нечеловеческий, хотя и социальный. Это как бы два мира!» [2, с. 233–234]. Хотя при капитализме овещнение приобретает классический характер, имеются некоторые основания для того, чтобы распространить хронологические рамки существования данного феномена за пределы товарного производства вообще и капитализма в частности [2, с. 232, 236, 257]. Дело в том, что овещнение, независимо от любых возможных ступеней исторического процесса, «выявляет в наиболее чистом виде превратный характер субъектного человеческого бытия вообще» [2, с. 274]. Так, овещнение самих человеческих индивидов происходит тогда, когда в ту или иную эпоху, в тех или иных ситуациях «человек или целые социальные коллективы отказываются от решения кардинальных проблем-противоречий своей исторической судьбы и пытаются загородиться от них, спрятаться от них за своими уже имеющимися налицо опредмеченными результатами цивилизации. ... Но эта всеобщая возможность ниспадения или принижения человека до объектно-вещного уровня превращается в действительность тогда, когда указанная подмена утверждается как специфическое отношение — социальное отношение между индивидами, между социальными группами, между человеком и миром» [2, с. 257]. Таким образом, в социально-философскую концепцию Г.С. Батищева с помощью философской антропологии вводится общеполитический аспект, имеющий ярко выраженный мировоззренческий характер. В результате овещнения «извращается и перевертывается само действительное отношение человека (и любого социального коллектива) ко всему остальному миру» [2, с. 261]. Ибо лишь с подлинно человеческого, «глубинного» общения людей друг с другом, не скрытого под «ролевыми масками» как продуктами овещнения, может начинаться подлинное, адекватное отношение человека к миру: «Но только со встречи с другим человеком, “здесь и теперь” уникальным, может начинаться реально также и встреча с универсальным, с космическим, с беспредельным. Поэтому, отвертываясь от ближних, т.е. делая не далеких ближними, а ближних далекими, индивид тем самым занимает позицию “спиной” к миру вообще» [2, с. 273–274].

Вопрос о связи человека с «беспредельным» (бесконечным) волновал и других советских философов. В марксистской философской традиции тема бесконечности существует прежде всего как концепция единого закономерного мирового про-

цесса бесконечного развития материи. В результате включения низших форм материи в состав высших материя получает «послойную» структуру, в которой аккумулируются основные этапы единого закономерного мирового процесса [8, с. 138]. Таким образом, на магистрали развития материи выстраивается многоуровневая иерархия. Человек, общество в качестве наиболее сложной, универсальной формы материи обладает иерархической, интегрально-социальной сущностью, включающей в себя как физические, химические, биологические, так и собственно социальные свойства [9, с. 33]. Однако важно отметить, что «сущность высшей ступени развития не является простым агрегатом содержания низших ступеней, а представляет собой их материальное обобщение и синтез». Таким образом, человек как универсальное материальное существо выражает в обобщенном и сжатом виде бесконечное содержание материи, является высшей ступенью её развития [9, с. 35]. Процесс развития социальной формы материи (человека) — *единый закономерный исторический процесс* — является высшей ступенью единого закономерного мирового процесса [6, с. 97–98].

Общую динамику бытия человека в едином закономерном мировом процессе проследил советский философ-марксист З.М. Какабадзе. С его точки зрения, «бытие представляет собой диалектическое единство противоположных тенденций. С одной стороны, это — инерция, т.е. тенденция к покою, к повторениям отношений, к ограничению одними и теми же отношениями, к внешнеобусловленности. С другой стороны, это — тенденция к самодвижению в направлении расширения и усиления возможностей самодвижения, к порождению новых отношений и форм, расширяющих и усиливающих возможности этого порождения ... т.е. тенденция к восхождению ... от простого к сложному» [4, с. 218]. Таким образом, бытие включает в себе два типа необходимости: необходимость как «инерцию» и необходимость как универсальную тенденцию бытия к самодвижению [4, с. 219]. Акт самодвижения имеет своим результатом «расширение и усиление возможностей самодвижения». Каждая новая, более сложная структура расширяет и усиливает возможности порождения новых структур: «Человеческую свободу и человеческое творчество можно рассматривать как высшие достижения и высший уровень этой общей тенденции бытия. И тогда человеческую свободу как отход от инерции и соответствующих требований бытия можно представить как вместе с тем ... приобщение к фундаментальной тенденции бытия» [4, с. 213].

Таким образом, З.М. Какабадзе рассматривал свободу как ключевую нравственную ценность, имеющую прежде всего объективный характер. Свобода реализуется в ситуации нравственного выбора, самый глубокий критерий которого — это «соответствие не любым интересам, фактически действующим в обществе, а объективно значимым интересам общества»: «Итак, в качестве высшего критерия выбора человек имеет в виду универсально-объективную тенденцию бытия, выраженную в объективно-значимых интересах общества и открытую им в виде его внутреннего призвания» [4, с. 208]. При этом З.М. Какабадзе отмечал: «Необходимость как универсальная тенденция к самодвижению, к восхождению от простого к сложному “на моем участке бытия” может осуществиться лишь с моей помощью. Я несу всю ответственность за себя и за свой “участок бытия”» [4, с. 219–220]. Универсальная тенденция к самодвижению никогда не умирает и всегда ждет реализации, рассчитывая на вечность. Она непоколебима, она осуществима «в конечном итоге», несмотря на то, что те или иные отдельные люди могут ее и не осуществлять [4, с. 220]. «Человек весьма часто уступает ... силам инерции, силам ограничения и делает выбор в пользу них. В таком случае он отклоняется и отдаляется от своей собственной сущности, от своего призвания. И бесконечность “не принимает никаких других мер” против этого отклонения, кроме того, что, представляя собой “предмет” существенно-глубинных стремлений человека — пусть не всегда осознанный им, представляя собой его дальнюю “родину”, в конечном итоге порождает в нем своеобразную “ностальгию”, проявляемую в чувствах глухой неудовлетворенности, тоски, скуки, одиночества, опустошенности, бесследного исчезновения, и “зовет” к возврату. Человек начинает искать выход, и бесконечность, выглядывая из глубоких недр человеческого сознания, из дальней истории вселенной, предлагает себя ищущему взору человека в виде альтернативы исхода против безысходности» [4, с. 223–224].

Заметим, что «линия восхождения» от простого к сложному, упоминающаяся у Какабадзе, — это и есть единый закономерный мировой процесс, соответствие основной тенденции которого означает для человека соответствие своей собственной сущности.

В.В. Орлов в работе «Человек. Мир. Мирозрение» (1985 г.) также рассматривал проблему соотношения бесконечности и человека в качестве одной из ключевых: «Осознавая причастность к бесконечному, человек тем самым осознает и бес-

конечное в своей природе. Реальный процесс человеческой жизни как ее непрерывное воспроизводство и развитие, как борьба со всем, что ей препятствует, борьба прогресса с регрессом, добра со злом, человечности с бесчеловечностью, здоровья с болезнью и смертью — в сущности, есть непрерывная борьба тенденции жизни к бесконечности с тенденцией распада, деградации, смерти. ... Осознание причастности как к бесконечному, всеобщему, так и особенному — общественному, творческое практическое участие в социальном прогрессе — это признак высокого развития человеческого духа, глубокого понимания смысла человеческого существования» [10, с. 207–208].

Таким образом, в советской философии место философской антропологии было важным и заметным, поэтому вполне правомерно констатировать факт продолжения в Советском Союзе лучших традиций русской философской мысли. Уместно, на наш взгляд, говорить не просто о советской философии, но о *русской философии советского периода*.

Список литературы

1. *Абишев К.А.* Предметная деятельность как отношение субъекта к объекту // Проблема субъекта и объекта в марксистской философии. Алма-Ата: Казахстан, 1975. 192 с.
2. *Батищев Г.С.* Введение в диалектику творчества. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. 464 с.
3. *Горбачев В.Г.* Тема человека в советской философии (особенности подхода) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 3(19). С. 33–39
4. *Какабадзе З.М.* Человек как философская проблема // Какабадзе З.М. Проблема человеческого бытия. Тбилиси: Мецниереба, 1985. 309 с.
5. *Ковалев С.М.* О человеке, его порабощении и освобождении. М.: Политиздат, 1970. 304 с.
6. *Ласточкин А.В.* Развитие общества как единый закономерный исторический процесс // Концепция единого, закономерного мирового процесса и современность / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1989. 144 с.
7. *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1968. Т. 18. С. 7–384.
8. *Орлов В.В.* Материя, развитие, человек / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1974. 397 с.
9. *Орлов В.В.* Развитие материи как закономерный процесс // Развитие материи как закономерный процесс / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1978. 182 с.
10. *Орлов В.В.* Человек. Мир. Мирозрение. М.: Молодая гвардия, 1985. 221 с.
11. *Степин В.С.* Научное познание и ценности тех-

ногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.

12. Тугаринов В.П. Теория ценностей в марксизме. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. 124 с.

Получено: 29.07.2014.

References

1. Abishev K.A. [Substantive work as an attitude of a subject towards an object. *Problema sub'ekta i ob'ekta v marksistskoj filosofii* [The problem of a subject and an object in the Marxist philosophy]. Alma-Ata, Kazakhstan Publ., 1975. 192 p. (In Russian).
2. Batischev G.S. *Vvedenie v dialektiku tvorchestva* [Introduction into the dialectics of creative work]. Saint Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 1997, 464 p. (In Russian).
3. Gorbachev V.G. [The theme of the human being in the Soviet philosophy (approach characteristics)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Bulletin. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"]. 2014, no 3, pp. 33–39. (In Russian).
4. Kakabadze Z.M. [A human as a philosophical problem]. *Problema chelovecheskogo bytiya* [A problem of a human existence]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1985, 309 p. (In Russian).
5. Kovalev S.M. *O cheloveke, ego poraboschenii i osvobozhdenii* [Concerning a man, his enslavement and liberation]. Moscow, Politizdat Publ., 1970, 304 p. (In Russian).
6. Lastochkin A.V. [An evolution of society as a united determined world development]. *Kontseptsiya edinogo zakonomernogo protsessa i sovremennost'* [A concept of a united determined world development and modernity]. Perm, Perm State University Publ., 1989. 144 p. (In Russian).
7. Lenin V.I. [Materialism and Empirio-Criticism] *Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izdanie*. [Complete set of works. 5th edition], Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1968, vol. 18, pp. 7–384. (In Russian).
8. Orlov V.V. *Materiya, razvitie, chelovek* [Matter, development, human]. Perm, Perm State University Publ., 1974, 397 p. (In Russian).
9. Orlov V.V. [Development of a matter as a determined process]. *Razvitie materii kak zakonomernyj protsess* [Development of a matter as a determined process]. Perm, Perm State University Publ., 1978. 182 p. (In Russian).
10. Orlov V.V. *Chelovek, mir, mirovozzrenie* [A human, a world and a mindset]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1985, 221 p. (In Russian).
11. Stepin V.S. [Scientific cognition and the values of technogenic civilization]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. 1989, no 10, pp. 3–18. (In Russian).
12. Tugarinov V.P. *Teoriya tsennostej v marksizme* [A theory of values in Marxism]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1968, 124 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt: 29.07.2014.

RUSSIAN PHILOSOPHY OF THE SOVIET PERIOD (ABOUT V.G. GORBACHEV'S ARTICLE)

Yuriy V. Loskutov

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The article is a response to the V.G. Gorbachev's work «The theme of the human being in the Soviet philosophy (approach characteristics)» and shows with the specific examples that the philosophy of the Soviet period does not fall out from the general logic of the Russian national philosophy. It is determined by the fact that in the Soviet philosophical thought (ontology, epistemology, social philosophy, etc.) the key role of anthropological perspective, typical for Russian philosophy, remained.

Key words: Soviet philosophy; philosophical anthropology; human.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Лоскутов Ю.В. Русская философия советского периода (о статье В.Г. Горбачева) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 3(19). С. 40–45.

Please cite this article in English as:

Loskutov Yu.V. Russian philosophy of the Soviet period (about V.G. Gorbachev's article) // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No. 3(19). P. 40–45.